

Всеволод Михайлович Гаршин

Сигнал - русский и английский параллельные тексты

Рассказ В.М.Гаршина «Сигнал» впервые был опубликован в журнале «Северный вестник» в 1887 г. Рассказ написан под воздействием философских воззрений Л.Н.Толстого.

В одной из черновых рукописей стрелочник Семен назван Никитой Ивановым, как и герой рассказа «Денщик и офицер». В кратком «жизнеописании» Семена говорится также, что он служил в денщиках у офицера. Возможно, рассказ уходит корнями в задуманное Гаршиным большое произведение «Люди и война»; в рассказе показана судьба солдата, возвратившегося из похода.

<p>The Signal by Vsevolod Mikhailovich Garshin.</p>	<p>Всеволод Михайло- вич Гаршин Сигнал</p>
<p>Semyon Ivanonv was a track-walker.</p>	<p>Семен Иванов слу- жил сторожем на железной дороге.</p>
<p>His hut was ten versts away from a railroad station in one direction and twelve versts away in the other.</p>	<p>От его будки до од- ной станции было двенадцать, до дру- гой - десять верст.</p>
<p>About four versts away there was a cotton mill that had opened the year before, and its tall chimney rose up darkly from behind the forest. The only dwellings around were the distant huts of the other track- walkers.</p>	<p>Верстах в четырех в прошлом году от- крыли большую прядильню; из-за лесу ее высокая труба чернела, а ближе, кроме сосед- них будок, и жилья не было.</p>

Semyon Ivanov's health had been completely shattered.

Семен Иванов был человек больной и разбитый.

Nine years before he had served right through the war as servant to an officer.

Девять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал.

The sun had roasted him, the cold frozen him, and hunger famished him on the forced marches of forty and fifty versts a day in the heat and the cold and the rain and the shine. The bullets had whizzed about him, but, thank God! none had struck him.

Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и пятидесяти верст в жару и в мороз; случалось и под пулями бывать, да, слава богу, ни одна не задела.

Semyon's regiment had once been on the firing line. For a whole week there had been skirmishing with the Turks, only a deep ravine separating the two hostile armies; and from morn till eve there had been a steady cross-fire.

Стоял раз полк в первой линии; целую неделю с турками перестрелка была: лежит наша цепь, а через лоцинку - турецкая, и с утра до вечера постреливают.

Thrice daily Semyon carried a steaming samovar and his officer's meals from the camp kitchen to the ravine.

Семенов офицер тоже в цепи был; каждый - день три раза носил ему Семен из полковых кухонь, из оврага, самовар горячий и обед.

The bullets hummed about him and rattled viciously against the rocks. Semyon was terrified and cried sometimes, but still he kept right on.

Идет с самоваром по открытому месту, пули свистят, в камни щелкают; страшно Семену, плачет, а сам идет.

The officers were pleased with him, because he always had hot tea ready for them.

Господа офицеры очень довольны им были: всегда у них горячий чай был.

<p>He returned from the campaign with limbs unbroken but crippled with rheumatism.</p>	<p>Вернулся он из похода целый, только руки и ноги ломить стало.</p>
<p>He had experienced no little sorrow since then.</p>	<p>Немало горя пришлось ему с тех пор отведавать.</p>
<p>He arrived home to find that his father, an old man, and his little four-year-old son had died. Semyon remained alone with his wife.</p>	<p>Пришел он домой - отец старик помер; сынишка был по четвертому году - тоже помер, горлом болел; остался Семен с женой сам-друг.</p>
<p>They could not do much. It was difficult to plough with rheumatic arms and legs.</p>	<p>Не задалось им и хозяйство, да и трудно с пухлыми руками и ногами землю пахать.</p>
<p>They could no longer stay in their village, so they started off to seek their fortune in new places.</p>	<p>Пришлось им в своей деревне невтерпеж; пошли на новые места счастья искать.</p>

They stayed for a short time on the line, in Kherson and Donshchina, but nowhere found luck.

Побывал Семен с женой и на Линии, и в Херсоне, и в Донщине; нигде счастья не достали.

Then the wife went out to service, and Semyon continued to travel about.

Пошла жена в прислуги, а Семен попрежнему все бродит.

Once he happened to ride on an engine, and at one of the stations the face of the station-master seemed familiar to him.

Пришлось ему раз по машине ехать; на одной станции видит - начальник будто знакомый.

Semyon looked at the station-master and the station-master looked at Semyon, and they recognised each other.

Глядит на него Семен, и начальник тоже в Семеново лицо всматривается.

He had been an officer in Semyon's regiment.

Узнали друг друга: офицер своего полка оказался.

"You are Ivanov?" he said.

- Ты Иванов? - говорит.

"Yes, your Excellency."	- Так точно, ваше благородие, я самый и есть.
"How do you come to be here?"	- Ты как сюда попал?
Semyon told him all.	Рассказал ему Семен: так, мол, и так.
"Where are you off to?"	- Куда ж теперь идешь?
"I cannot tell you, sir."	- Не могу знать, ваше благородие.
"Idiot! What do you mean by 'cannot tell you?'"	- Как так, дурак, не можешь знать?
"I mean what I say, your Excellency. There is nowhere for me to go to."	- Так точно, ваше благородие, потому податься некуда.
I must hunt for work, sir."	Работы какой, ваше благородие, искать надобно.
The station-master looked at him, thought a bit, and said:	Посмотрел на него начальник станции, подумал и говорит:

<p>"See here, friend, stay here a while at the station. You are married, I think.</p>	<p>- Вот что, брат, оставайся-ка ты покуда на станции.</p>
<p>Where is your wife?"</p>	<p>Ты, кажется, женат?</p>
<p>"Yes, your Excellency, I am married. My wife is at Kursk, in service with a merchant."</p>	<p>Где у тебя жена?</p>
<p>"Well, write to your wife to come here.</p>	<p>- Так точно, ваше благородие, женат; жена в городе Курске, у купца в услужении находится.</p>
<p>I will give you a free pass for her.</p>	<p>- Ну, так пиши жене, чтобы ехала.</p>
<p>There is a position as track-walker open. I will speak to the Chief on your behalf."</p>	<p>Билет даровой выхлопочу.</p>
<p>"I shall be very grateful to you, your Excellency," replied Semyon.</p>	<p>Тут у нас дорожная будка очистится; уж попрошу за тебя начальника дистанции.</p>

He stayed at the station, helped in the kitchen, cut firewood, kept the yard clean, and swept the platform.

- Много благодарен, ваше благородие, - ответил Семен.

In a fortnight's time his wife arrived, and Semyon went on a hand-trolley to his hut.

Остался он на станции. Помогал у начальника на кухне, дрова рубил, двор, платформу мел.

The hut was a new one and warm, with as much wood as he wanted. There was a little vegetable garden, the legacy of former track-walkers, and there was about half a dessiatin of ploughed land on either side of the railway embankment.

Через две недели приехала жена, и поехал Семен на ручной тележке в свою будку.

Semyon was rejoiced. He began to think of doing some farming, of purchasing a cow and a horse.

Будка новая, теплая, дров сколько хочешь; огород маленький от прежних сторожей остался, и

земли с полдесяти-
ны пахотной по бо-
кам полотна было.

He was given all
necessary stores--a
green flag, a red flag,
lanterns, a horn,
hammer, screw-
wrench for the nuts, a
crow-bar, spade,
broom, bolts, and
nails; they gave him
two books of
regulations and a
time-table of the train.

Обрадовался Семен;
стал думать, как свое
хозяйство заведет,
корову, лошадь ку-
пит.

At first Semyon could
not sleep at night, and
learnt the whole time-
table by heart. Two
hours before a train
was due he would go
over his section, sit on
the bench at his hut,
and look and listen
whether the rails were
trembling or the
rumble of the train
could be heard.

Дали ему весь нуж-
ный припас: флаг зе-
леный, флаг крас-
ный, фонари, рожок,
молот, ключ -гайки
подвинчивать, лом,
лопату, метел, бол-
тов, костылей; дали
две книжечки с пра-
вилами и расписа-
ние поездов.

He even learned the regulations by heart, although he could only read by spelling out each word.

Первое время Семен ночи не спал, все расписание твердил; поезд еще через два часа пойдет, а он обойдет свой участок, сядет на лавочку у будки и все смотрит и слушает, не дрожат ли рельсы, не шумит ли поезд.

It was summer; the work was not heavy; there was no snow to clear away, and the trains on that line were infrequent.

Вытвердил он наизусть и правила; хоть и плохо читал, по складам, а все-таки вытвердил.

Semyon used to go over his verst twice a day, examine and screw up nuts here and there, keep the bed level, look at the water-pipes, and then go home to his own affairs.

Дело было летом; работа нетяжелая, снегу отгрести не надо, да и поезд на той дороге редко. Обойдет Семен свою версту два раза в сутки, кое-где гайки попробует подвинтить, щебенку подровняет, водяные трубы посмотрит и идет домой хозяйство свое устраивать.

There was only one drawback--he always had to get the inspector's permission for the least little thing he wanted to do.

В хозяйстве только у него помеха была: что ни задумает сделать, обо всем дорожного мастера проси, а тот начальнику дистанции доложит; пока просьба вернется, время и ушло.

Semyon and his wife were even beginning to be bored.

Стали Семен с женою даже скучать.

Two months passed, and Semyon commenced to make the acquaintance of his neighbours, the track-walkers on either side of him.

Прошло времени месяца два; стал Семен с соседями-сторожами знакомиться.

One was a very old man, whom the authorities were always meaning to relieve. He scarcely moved out of his hut.

Один был старик древний; все смелить его собирались: едва из будки выбирался.

His wife used to do all his work.

Жена за него и обход делала.

The other track-walker, nearer the station, was a young man, thin, but muscular.

Другой будочник, что поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый.

He and Semyon met for the first time on the line midway between the huts. Semyon took off his hat and bowed.

Встретились они с Семеном в первый раз на полотне, посередине между будками, на обходе; Семен шапку снял, поклонился.

"Good health to you, neighbour," he said.	- Доброго, - говорит, - здоровья, сосед.
The neighbour glanced askance at him.	Сосед поглядел на него сбоку.
"How do you do?" he replied; then turned around and made off.	- Здравствуй, - говорит. Повернулся и пошел прочь.
Later the wives met.	Бабы после между собою встретились.
Semyon's wife passed the time of day with her neighbour, but neither did she say much.	Поздоровалась Семёнова Арина с соседкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла.
On one occasion Semyon said to her:	Увидел раз ее Семен.
"Young woman, your husband is not very talkative."	- Что это, - говорит, - у тебя, молодница, муж неразговорчивый?
The woman said nothing at first, then replied:	Помолчала баба, потом говорит:
"But what is there for him to talk about?"	- Да о чем ему с тобой разговаривать?

Every one has his own business.	У всякого свое...
Go your way, and God be with you."	Иди себе с богом.
However, after another month or so they became acquainted.	Однако прошло еще времени с месяц, познакомились.
Semyon would go with Vasily along the line, sit on the edge of a pipe, smoke, and talk of life.	Сойдутся Семен с Василием на полотне, сядут на край, трубочки покуривают и рассказывают про свое житье-бытье.
Vasily, for the most part, kept silent, but Semyon talked of his village, and of the campaign through which he had passed.	Василий все больше помалчивал, а Семен и про деревню свою и про поход рассказывал.
"I have had no little sorrow in my day," he would say; "and goodness knows I have not lived long.	- Немало, - говорит, - я горя на своем веку принял, а веку моего не бог весть сколько.

God has not given me happiness, but what He may give, so will it be.	Не дал бог счастья. Уж кому какую талан-судьбу господь даст, так уж и есть.
That's so, friend Vasily Stepanych."	Так-то, братец, Василий Степаныч.
Vasily Stepanych knocked the ashes out of his pipe against a rail, stood up, and said:	А Василий Степаныч трубку об рельс выколотил, встал и говорит:
"It is not luck which follows us in life, but human beings.	- Не талан-судьба нас с тобою век заедает, а люди.
There is no crueller beast on this earth than man.	Нету на свете зверя хищнее и злее человека.
Wolf does not eat wolf, but man will readily devour man."	Волк волка не ест, а человек человека живьем съедает.
"Come, friend, don't say that; a wolf eats wolf."	- Ну, брат, волк волка ест, это ты не говори.
"The words came into my mind and I said it.	- К слову пришлось, и сказал.

All the same, there is nothing crueller than man.

Все-таки нету твари жесточе.

If it were not for his wickedness and greed, it would be possible to live.

Не людская бы злость да жадность - жить бы можно было.

Everybody tries to sting you to the quick, to bite and eat you up."

Всякий тебя за живое ухватить поровит, да кус откусить, да слопать.

Semyon pondered a bit.

Задумался Семен.

"I don't know, brother," he said; "perhaps it is as you say, and perhaps it is God's will."

- Не знаю, - говорит, - брат. Может, оно так, а коли и так, так уж есть на то от бога положение.

"And perhaps," said Vasily, "it is waste of time for me to talk to you.

- А коли так, - говорит Василий, - так нечего нам с тобой и разговаривать.

<p>To put everything unpleasant on God, and sit and suffer, means, brother, being not a man but an animal.</p>	<p>Коли всякую скверность на бога взваливать, а самому сидеть да терпеть, так это, брат, не человеком быть, а скотом.</p>
<p>That's what I have to say."</p>	<p>Вот тебе мой сказ.</p>
<p>And he turned and went off without saying good-bye.</p>	<p>Повернулся и пошел, не простившись.</p>
<p>Semyon also got up.</p>	<p>Встал и Семен.</p>
<p>"Neighbour," he called, "why do you lose your temper?"</p>	<p>- Сосед, - кричит, - за что же ругаешься?</p>
<p>But his neighbour did not look round, and kept on his way.</p>	<p>Не обернулся сосед, пошел.</p>
<p>Semyon gazed after him until he was lost to sight in the cutting at the turn.</p>	<p>Долго смотрел на него Семен, пока на выемке на повороте стало Василия не видно.</p>
<p>He went home and said to his wife:</p>	<p>Вернулся домой и говорит жене:</p>

<p>"Arina, our neighbour is a wicked person, not a man."</p>	<p>- Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, не человек.</p>
<p>However, they did not quarrel. They met again and discussed the same topics.</p>	<p>Однако не поссорились они; встретились опять и по-прежнему разговаривать стали, и все о том же.</p>
<p>"All, mend, if it were not for men we should not be poking in these huts," said Vasily, on one occasion. "And what if we are poking in these huts?"</p>	<p>- Э, брат, кабы не люди... не сидели бы мы с тобою в будках этих, - говорит Василий.</p>
<p>It's not so bad. You can live in them."</p>	<p>- Что ж в будке... ничего, жить можно.</p>
<p>"Live in them, indeed!</p>	<p>- Жить можно, жить можно...</p>
<p>Vah, you!...</p>	<p>Эх, ты!</p>
<p>You have lived long and learned little, looked at much and seen little.</p>	<p>Много жил, мало нажил, много смотрел, мало увидел.</p>

What sort of life is there for a poor man in a hut here or there?	Бедному человеку, в будке там или где, какое уж житье!
The cannibals are devouring you.	Едят тебя живодеры эти.
They are sucking up all your life-blood, and when you become old, they will throw you out just as they do husks to feed the pigs on.	Весь сок выжимают, а стар станешь - выбросят, как жмыху какую, свиньям на корм.
What pay do you get?"	Ты сколько жалованья получаешь?
"Not much, Vasily Stepanych--twelve rubles."	- Да маловато, Василий Степанович. Двенадцать рублей.
"And I, thirteen and a half rubles.	- А я тринадцать с полтиной.
Why?	Позволь тебя спросить, почему?
By the regulations the company should give us fifteen rubles a month with firing and lighting.	По правилу, от правления всем одно полагается: пятнадцать целковых в месяц, отопление, освещение.

<p>Who decides that you should have twelve rubles, or I thirteen and a half?</p>	<p>Кто же это нам с тобой двенадцать или там тринадцать с полтиной определил? Чьему брюху на сало, в чей карман остальные три рубля или же полтора полагаются?</p>
<p>Ask yourself!</p>	<p>Позволь тебя спросить?..</p>
<p>And you say a man can live on that?</p>	<p>А ты говоришь, жить можно!</p>
<p>You understand it is not a question of one and a half rubles or three rubles--even if they paid us each the whole fifteen rubles.</p>	<p>Ты пойми, не об полторах там или трех рублях разговор идет. Хоть бы и все пятнадцать платили.</p>
<p>I was at the station last month. The director passed through. I saw him.</p>	<p>Был я на станции в прошлом месяце; директор проезжал, так я его видел.</p>
<p>I had that honour.</p>	<p>Имел такую честь.</p>

He had a separate coach. He came out and stood on the platform...

Едет себе в отдельном вагоне; вышел на платформу, стоит, цепь золотую распустил по животу, щеки красные, будто налитые... Напился нашей крови. Эх, кабы сила да власть!..

I shall not stay here long; I shall go somewhere, anywhere, follow my nose."

Да не останусь я здесь долго; уйду, куда глаза глядят.

"But where will you go, Stepanych?"

- Куда же ты уйдешь, Степаныч?

Leave well enough alone.

От добра добра не ищут.

Here you have a house, warmth, a little piece of land.

Тут тебе и дом, тепло, и землицы маленько.

Your wife is a worker."

Жена у тебя работница...

"Land!

- Землицы!

You should look at my piece of land.

Посмотрел бы ты на землицу мою.

Not a twig on it-- nothing.	Ни прута на ней нету.
I planted some cabbages in the spring, just when the inspector came along.	Посадил было вес- ной капустки, так и то дорожный мастер приехал.
He said: 'What is this? Why have you not reported this?	"Это, говорит, что та- кое?
Why have you done this without permission?	Почему без доноше- ния?
Dig them up, roots and all.'	Почему без разреше- ния?
He was drunk.	Выкопать, чтоб и ду- ху ее не было".
Another time he would not have said a word, but this time it struck him.	Пьяный был. В дру- гой раз ничего бы не сказал, а тут втемя- шилось...
Three rubles fine!..."	"Три рубля штрафу!..."
Vasily kept silent for a while, pulling at his pipe, then added quietly:	Помолчал Василий, потянул трубочки и говорит тихо:

"A little more and I should have done for him."	- Немного еще, зашиб бы я его до смерти.
"You are hot-tempered."	- Ну, сосед, и горяч ты, я тебе скажу.
"No, I am not hot-tempered, but I tell the truth and think."	- Не горяч я, а по правде говорю и размышляю.

Yes, he will still get a bloody nose from me.	Да еще дождется он у меня, красная рожа!
I will complain to the Chief.	Самому начальнику дистанции жаловаться буду.
We will see then!"	Посмотрим!
And Vasily did complain to the Chief.	И точно пожаловался.
Once the Chief came to inspect the line.	Проезжал раз начальник дистанции путь осматривать.

Three days later important personages were coming from St. Petersburg and would pass over the line. They were conducting an inquiry, so that previous to their journey it was necessary to put everything in order.

Через три дня после того господя важные из Петербурга должны были по дороге проехать: ревизию делали, так перед их проездом все надо было в порядок привести.

Ballast was laid down, the bed was levelled, the sleepers carefully examined, spikes driven in a bit, nuts screwed up, posts painted, and orders given for yellow sand to be sprinkled at the level crossings.

Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрели, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переездах приказали желтого песочку подсыпать.

The woman at the neighbouring hut turned her old man out to weed.

Соседка-сторожиха и старика своего выгнала травку подщипать.

<p>Semyon worked for a whole week. He put everything in order, mended his kaftan, cleaned and polished his brass plate until it fairly shone.</p>	<p>Работал Семен целую неделю; все в исправность привел и на себе кафтан починил, вычистил, а бляху медную кирпичом до сияния оттер.</p>
<p>Vasily also worked hard.</p>	<p>Работал и Василий.</p>
<p>The Chief arrived on a trolley, four men working the handles and the levers making the six wheels hum. The trolley travelled at twenty versts an hour, but the wheels squeaked.</p>	<p>Приехал начальник дистанции на дрезине; четверо рабочих рукоять вертят; шестерни жужжат; мчится тележка верст по двадцать в час, только колеса воют.</p>
<p>It reached Semyon's hut, and he ran out and reported in soldierly fashion.</p>	<p>Подлетел к Семеновой будке; подскокил Семен, отрапортовал по-солдатски.</p>
<p>All appeared to be in repair.</p>	<p>Все в исправности оказалось.</p>
<p>"Have you been here long?" inquired the Chief.</p>	<p>- Ты давно здесь? - спрашивает начальник.</p>

"Since the second of May, your Excellency."	- Со второго мая, ваше благородие.
"All right.	- Ладно.
Thank you.	Спасибо.
And who is at hut No. 164?"	А в сто шестьдесят четвертом номере кто?
The traffic inspector (he was travelling with the Chief on the trolley) replied:	Дорожный мастер (вместе с ним на дрезине ехал) ответил:
"Vasily Spiridov."	- Василий Спиридов.
"Spiridov, Spiridov..."	- Спиридов, Спиридов...
Ah! is he the man against whom you made a note last year?"	А, это тот самый, что в прошлом году был у вас на замечании?
"He is."	- Он самый и есть-с.
"Well, we will see Vasily Spiridov."	- Ну, ладно, посмотрим Василия Спиридова.
Go on!"	Трогай.

The workmen laid to the handles, and the	Налегли рабочие на рукояти; пошла дре-
--	--

trolley got under way.	зина в ход.
Semyon watched it, and thought,	Смотрит Семен на нее и думает:
"There will be trouble between them and my neighbour."	"Ну, будет у них с соседом игра".
About two hours later he started on his round.	Часа через два пошел он в обход.
He saw some one coming along the line from the cutting. Something white showed on his head.	Видит, из выемки по полотну идет кто-то, на голове будто белое что виднеется.
Semyon began to look more attentively. It was Vasily. He had a stick in his hand, a small bundle on his shoulder, and his cheek was bound up in a handkerchief.	Стал Семен присматриваться - Василий; в руке палка, за плечами узелок маленький, щека платком завязана.
"Where are you off to?" cried Semyon.	- Сосед, куда собрался? - кричит Семен.

Vasily came quite close. He was very pale, white as chalk, and his eyes had a wild look. Almost choking, he muttered:	Подошел Василий совсем близко: лица на нем нету, белый, как мел, глаза дикие; говорить начал - голос обрывается.
"To town--to Moscow--to the head office."	- В город, - говорит, - в Москву... в правление.
"Head office?"	- В правление...
Ah, you are going to complain, I suppose.	Вот что! Жаловаться, стало быть, идешь?
Give it up! Vasily Stepanych, forget it."	Брось, Василий Степаныч, забудь...
"No, mate, I will not forget.	- Нет, брат, не забуду.
It is too late.	Поздно забывать.
See! He struck me in the face, drew blood.	Видишь, он меня в лицо ударил, в кровь разбил.
So long as I live I will not forget. I will not leave it like this!"	Пока жив, не забуду, не оставлю так. Учить их надо, кровопийцев...
Semyon took his hand.	Взял его за руку Семен:

<p>"Give it up, Stepanych. I am giving you good advice. You will not better things..."</p>	<p>- Оставь, Степаныч, верно тебе говорю: лучше не сделаешь.</p>
<p>"Better things!"</p>	<p>- Чего там лучше!</p>
<p>I know myself I shan't better things. You were right about Fate.</p>	<p>Знаю сам, что лучше не сделаю; правду ты про талан-судьбу говорил.</p>
<p>It would be better for me not to do it, but one must stand up for the right."</p>	<p>Себе лучше не сделаю, но за правду надо, брат, стоять.</p>
<p>"But tell me, how did it happen?"</p>	<p>- Да ты скажи, с чего все пошло-то?</p>
<p>"How?"</p>	<p>- Да с чего...</p>
<p>He examined everything, got down from the trolley, looked into the hut.</p>	<p>Осмотрел все, с дрезины сошел, в будку заглянул.</p>
<p>I knew beforehand that he would be strict, and so I had put everything into proper order.</p>	<p>Я уж знал, что строго будет спрашивать; все как следует исправил.</p>

He was just going when I made my complaint.

Ехать уж хотел, а я с жалобой.

He immediately cried out:

Он сейчас кричать.

'Here is a Government inquiry coming, and you make a complaint about a vegetable garden.

"Тут, говорит, правительственная ревизия, такой-сякой, а ты об огороде жалобы подавать!"

Here are privy councillors coming, and you annoy me with cabbages!"

Тут, говорит, тайные советники, а ты с капустой лезешь!"

I lost patience and said something--not very much, but it offended him, and he struck me in the face.

Я не стерпел, слово сказал, не то чтобы очень, но так уж ему обидно показалось. Как даст он мне... Терпенье наше проклятое!

I stood still; I did nothing, just as if what he did was perfectly all right.

Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует.

They went off; I came to myself, washed my face, and left."	Уехали они, опамятовался я, вот обмыл себе лицо и пошел.
"And what about the hut?"	- Как же будка-то?
"My wife is staying there.	- Жена осталась.
She will look after things. Never mind about their roads."	Не прозевает; да ну их совсем и с дорогой ихней!
Vasily got up and collected himself.	Встал Василий, собрался.
"Good-bye, Ivanov.	- Прощай, Иваныч.
I do not know whether I shall get any one at the office to listen to me."	Не знаю, найду ли управу себе.
"Surely you are not going to walk?"	- Неужто пешком пойдешь?
"At the station I will try to get on a freight train, and to-morrow I shall be in Moscow."	- На станции на товарный попрошусь: завтра в Москве буду.

The neighbours bade each other farewell. Vasily was absent for some time.

Простились соседи; ушел Василий, и долго его не было.

His wife worked for him night and day. She never slept, and wore herself out waiting for her husband.

Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсем, поджидаячи мужа.

On the third day the commission arrived. An engine, luggage-van, and two first-class saloons; but Vasily was still away.

На третий день проехала ревизия: паровоз, вагон багажный и два первого класса, а Василия все нет.

Semyon saw his wife on the fourth day. Her face was swollen from crying and her eyes were red.

На четвертый день увидел Семен его хозяйку: лицо от слез пухлое, глаза красные.

"Has your husband returned?" he asked.

- Вернулся муж? - спрашивает.

But the woman only made a gesture with her hands, and without saying a word went her way.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла в свою сторону. -----

Semyon had learnt when still a lad to make flutes out of a kind of reed.

Научился Семен когда-то, еще мальчишкой, из тальника дудки делать.

He used to burn out the heart of the stalk, make holes where necessary, drill them, fix a mouthpiece at one end, and tune them so well that it was possible to play almost any air on them.

Выжжет таловой палке сердце, дырки, где надо, высверлит, на конце пищик делает и так славно наладит, что хоть что угодно играй.

He made a number of them in his spare time, and sent them by his friends amongst the freight brakemen to the bazaar in the town. He got two kopeks apiece for them.

Делывал он в досужее время дудок много и с знакомым товарным кондуктором в город на базар отправлял; давали ему там за штуку по две копейки.

On the day following the visit of the commission he left his wife at home to meet the six o'clock train, and started off to the forest to cut some sticks.

На третий день после ревизии оставил он дома жену вечерний шестичасовой поезд встретить, а сам взял ножик и в лес пошел, палок себе нарезать.

He went to the end of his section--at this point the line made a sharp turn--descended the embankment, and struck into the wood at the foot of the mountain.

Дошел он до конца своего участка, - на этом месте путь круто поворачивал, - спустился с насыпи и пошел лесом под гору.

About half a verst away there was a big marsh, around which splendid reeds for his flutes grew.

За полверсты было большое болото, и около него отличнейшие кусты для его дудок росли.

He cut a whole bundle of stalks and started back home.

Нарезал он палок целый пук и пошел домой.

<p>The sun was already dropping low, and in the dead stillness only the twittering of the birds was audible, and the crackle of the dead wood under his feet.</p>	<p>Идет лесом; солнце уже низко было; тишина мертвая, слышно только, как птицы чиликают да валежник под ногами хрустит.</p>
<p>As he walked along rapidly, he fancied he heard the clang of iron striking iron, and he redoubled his pace.</p>	<p>Прошел Семен немного еще, скоро плотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто где-то железо о железо позвякивает. Пошел Семен скорей.</p>
<p>There was no repair going on in his section.</p>	<p>Ремонту в то время на их участке не было.</p>
<p>What did it mean?</p>	<p>"Что бы это значило?" - думает.</p>

He emerged from the woods, the railway embankment stood high before him; on the top a man was squatting on the bed of the line busily engaged in something. Semyon commenced quietly to crawl up towards him.

He thought it was some one after the nuts which secure the rails.

He watched, and the man got up, holding a crow-bar in his hand. He had loosened a rail, so that it would move to one side.

A mist swam before Semyon's eyes; he wanted to cry out, but could not.

Выходит он на опушку - перед ним железнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотне, человек сидит на корточках, что-то делает; стал подыматься Семен потихоньку к нему: думал, гайки кто воровать пришел.

Смотрит - и человек поднялся, в руках у него лом; поддел он рельс ломом, как двинет его в сторону.

Потемнело у Семена в глазах; крикнуть хочет - не может.

It was Vasily! Semyon scrambled up the bank, as Vasily with crow-bar and wrench slid headlong down the other side.	Видит он Василия, бежит бегом, а тот с ломом и ключом с другой стороны насыпи кубарем катится.
"Vasily Stepanych!	- Василий Степаныч!
My dear friend, come back!	Отец родной, голубчик, воротись!
Give me the crow-bar.	Дай лом!
We will put the rail back; no one will know.	Поставим рельс, никто не узнает.
Come back! Save your soul from sin!"	Воротись, спаси свою душу от греха.
Vasily did not look back, but disappeared into the woods.	Не обернулся Василий, в лес ушел.

Semyon stood before the rail which had been torn up. He threw down his bundle of sticks.	Стоит Семен над отвороченным рельсом, палки свои выронил.
A train was due; not a freight, but a passenger-train.	Поезд идет не товарный, пассажирский.

And he had nothing with which to stop it, no flag.

И не остановишь его ничем: флага нет.

He could not replace the rail and could not drive in the spikes with his bare hands.

Рельса на место не поставишь; голыми руками костылей не забьешь.

It was necessary to run, absolutely necessary to run to the hut for some tools.

Бежать надо, непременно бежать в будку за каким-нибудь припасом.

"God help me!" he murmured.

Господи, помоги!

Semyon started running towards his hut.

Бежит Семен к своей будке, задыхается.

He was out of breath, but still ran, falling every now and then.

Бежит - вот-вот упадет.

He had cleared the forest; he was only a few hundred feet from his hut, not more, when he heard the distant hooter of the factory sound--six o'clock!

Выбежал из лесу - до будки "со сажень, не больше, осталось, слышит - на фабрике гудок загудел. Шесть часов.

<p>In two minutes' time No. 7 train was due.</p>	<p>А в две минуты седь- мого поезд пройдет.</p>
<p>"Oh, Lord!</p>	<p>Господи!</p>
<p>Have pity on innocent souls!"</p>	<p>Спаси невинные ду- ши!</p>
<p>In his mind Semyon saw the engine strike against the loosened rail with its left wheel, shiver, careen, tear up and splinter the sleepers--and just there, there was a curve and the embankment seventy feet high, down which the engine would topple--and the third- class carriages would be packed ... little children...</p>	<p>Так и видит перед со- бою Семен: хватит паровоз левым коле- сом об рельсовый об- руб, дрогнет, накре- нется, пойдет шпа- лы рвать и вдребез- ги бить, а тут кривая, закругление, да на- сыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажен, а там, в тре- тьем классе, народу битком набито, дети малые...</p>
<p>All sitting in the train now, never dreaming of danger.</p>	<p>Сидят они теперь все, ни о чем не ду- мают.</p>
<p>"Oh, Lord! Tell me what to do!...</p>	<p>Господи, вразуми ты меня!..</p>

<p>No, it is impossible to run to the hut and get back in time."</p>	<p>Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...</p>
<p>Semyon did not run on to the hut, but turned back and ran faster than before.</p>	<p>Не добежал Семен до будки, повернул назад, побежал скорее прежнего.</p>
<p>He was running almost mechanically, blindly; he did not know himself what was to happen.</p>	<p>Бежит почти без памяти; сам не знает, что еще будет.</p>
<p>He ran as far as the rail which had been pulled up; his sticks were lying in a heap.</p>	<p>Добежал до отвороченного рельса: палки его кучей лежат.</p>
<p>He bent down, seized one without knowing why, and ran on farther.</p>	<p>Нагнулся он, схватил одну, сам не понимая зачем, дальше побежал.</p>
<p>It seemed to him the train was already coming.</p>	<p>Чудится ему, что уже поезд идет.</p>

He heard the distant whistle; he heard the quiet, even tremor of the rails; but his strength was exhausted, he could run no farther, and came to a halt about six hundred feet from the awful spot. Then an idea came into his head, literally like a ray of light.

Слышит свисток далекий, слышит, рельсы мерно и потихоньку подрагивать начали. Бежать дальше сил нету; остановился он от страшного места саженьях воста: тут ему точно светом голову осветило.

Pulling off his cap, he took out of it a cotton scarf, drew his knife out of the upper part of his boot, and crossed himself, muttering, "God bless me!"

Снял он шапку, вынул из нее платок бумажный; вынул нож из-за голенища; перекрестился, господи благослови!

<p>He buried the knife in his left arm above the elbow; the blood spurted out, flowing in a hot stream. In this he soaked his scarf, smoothed it out, tied it to the stick and hung out his red flag.</p>	<p>Ударил себя ножом в левую руку повыше локтя, брызнула кровь, полила горячей струей; намочил он в ней свой платок, расправил, растянул, навязал на палку и выставил свой красный флаг.</p>
<p>He stood waving his flag. The train was already in sight.</p>	<p>Стоит, флагом своим размахивает, а поезд уж виден.</p>
<p>The driver would not see him--would come close up, and a heavy train cannot be pulled up in six hundred feet.</p>	<p>Не видит его машинист, подойдет близко, а на ста саженях не остановить тяжелого поезда!</p>
<p>And the blood kept on flowing. Semyon pressed the sides of the wound together so as to close it, but the blood did not diminish. Evidently he had cut his arm very deep.</p>	<p>А кровь все льет и льет; прижимает рану к боку, хочет зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранил он руку.</p>

His head commenced to swim, black spots began to dance before his eyes, and then it became dark.

Закружилось у него в голове, в глазах черные мухи залетали; потом и совсем потемнело; в ушах звон колокольный.

There was a ringing in his ears. He could not see the train or hear the noise. Only one thought possessed him.

Не видит он поезда и не слышит шума: одна мысль в голове:

"I shall not be able to keep standing up. I shall fall and drop the flag; the train will pass over me. Help me, oh Lord!"

"Не устою, упаду, уроню флаг; пройдет поезд через меня... помоги, господи, пошли смену..."

All turned black before him, his mind became a blank, and he dropped the flag; but the blood-stained banner did not fall to the ground. A hand seized it and held it high to meet the approaching train.

И стало черно в глазах его и пусто в душе его, и выронил он флаг. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстречу подходящему поезду.

<p>The engineer saw it, shut the regulator, and reversed steam.</p>	<p>Машинист увидел его, закрыл регулятор и дал контрпар.</p>
<p>The train came to a standstill.</p>	<p>Поезд остановился.</p>
<p>People jumped out of the carriages and collected in a crowd.</p>	<p>Выскочили из вагонов люди, сбились толпою.</p>
<p>They saw a man lying senseless on the footway, drenched in blood, and another man standing beside him with a blood-stained rag on a stick.</p>	<p>Видят: лежит человек весь в крови, без памяти; другой возле него стоит с кровавой тряпкой на палке.</p>
<p>Vasily looked around at all. Then, lowering his head, he said:</p>	<p>Обвел Василий всех глазами, опустил голову:</p>
<p>"Bind me. I tore up a rail!"</p>	<p>- Вяжите меня, - говорит, - я рельс отворотил.</p>